

Коммуникативный процесс в текстах Нового Завета: автор, адресат и вторичный интерпретатор *

А. В. Вдовиченко

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА

Аннотация. Строго языковые критерии оценки новозаветных текстов ведут к признанию довольно странных черт коммуникативной деятельности авторов: 1) спонтанность («как говорили, так и написали»); 2) плохое знание языковых моделей, или «языка», на котором они пишут («малообразованные многочисленные авторы»); 3) вопиющее пренебрежение аудитории со стороны авторов и неадекватная реакция со стороны самих читателей / слушателей («варварский текст для грекоязычного читателя»); 4) непричастность какой-либо литературной традиции, где такой способ создания текста был бы приемлемым и допустимым («никто, нигде, никогда не ожидал, что авторы новозаветных текстов могут так поступить»). Ключевым условием интерпретации новозаветного лингвистического материала следует признать среду возникновения данных текстов, т. е. *грекоговорящую иудейскую диаспору* как аутентичное лингвокультурное пространство возникновения этих текстов. Особые лингвистические практики иудеев (чтение, изучения и интерпретация Священного текста) дают воз-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Вдовиченко А. В. Коммуникативный процесс в текстах Нового Завета: автор, адресат и вторичный интерпретатор // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 161–175.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2016. № 2
© А. В. Вдовиченко, 2016

возможность разрешить возникающие вопросы об отношениях между авторами, адресатами и вторичными интерпретаторами (исследователями).

Ключевые слова: коммуникация, корпус Нового Завета, автор, адресат, вторичный интерпретатор, семитизмы, иудейская диаспора, специфика лингвистических практик.

УДК 81.42

Контактная информация: Вдовиченко Андрей Викторович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия), доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ул. Новокузнецкая, 23Б, Москва, 115184, Россия, anlvdo@mail.ru)

Основные параметры лингвистической ситуации, устанавливаемые для текстов Нового Завета (далее НЗ) с использованием традиционного методологического инструментария¹, подтверждают некогда выдвинутые еще Дайссманном [Deissmann, 1901] положения: новозаветные авторы писали по-гречески с ошибками (т. е. с «семитизмами», которые никому не удалось представить аутентичными на греческой почве языковыми феноменами²). Свои тексты новозаветные авторы адресовали «греческому читателю», но, пытаясь соблюсти законы греческого языка, не преуспели в этом, поскольку находились в плену исконных для них семитских языковых моделей, сказавшихся в итоговом тексте как явления интерференции вследствие билингвизма авторов.

Такой строго языковой взгляд не способен представить создание и функционирование текстов НЗ (в том числе Евангелий) как полноценный литературный процесс. Коммуникативная деятельность авторов в интерпретации наиболее авторитетных исследователей языка НЗ³ обнаруживает довольно странные черты:

1) спонтанность («как говорили, так и написали»), тогда как создание любого письменного текста такого масштаба не может производиться в условиях нехватки времени для обдумывания используемых языковых моделей;

2) плохое знание языковых моделей, или «языка», на котором они пишут («малообразованные многочисленные авторы»), в то время как плохими или малообразованными людьми не в состоянии создать столь обширный ли-

---

¹ См.: [Вдовиченко, 2012].

² См.: [Maloney, 1981].

³ См.: [Silva 1980; Horrocks, 1997; Horsley, 1984; Porter, 1997].

тературный корпус (новозаветные и околоновозаветные тексты различного авторства);

3) вопиющее пренебрежение аудиторией со стороны авторов и неадекватная реакция со стороны самих читателей / слушателей («варварский текст для грекоязычного читателя»), в то время как любой автор создает текст для предполагаемого адресата, учитывая вполне определенные читательские навыки и предпочтения в восприятии текста;

4) непричастность какой-либо литературной традиции, где такой способ создания текста был бы приемлемым и допустимым («никто, нигде, никогда не ожидал, что авторы новозаветных текстов могут так поступить»).

В целом странность ситуации, которую вводит такая точка зрения, заключается в том, что «семиотическая система», используемая при создании текстов НЗ, согласно установленным параметрам ситуации, не может считаться нормализованной в пространстве «автор – читатель – вторичный интерпретатор»: аудитория недоумевает по поводу «языка», на котором пишут авторы; авторы сами не знают «язык», на котором пишут; вторичные интерпретаторы (исследователи) знают «язык», на котором должны были создаваться тексты НЗ, гораздо лучше самих авторов текстов. Так, размышляя о методе, Дж. Хорсли, автор программной лингвистической по содержанию статьи «Иудейский греческий как фикция» делает самоизобличающую оговорку, что наименее изученной областью в новозаветных языковых исследованиях является сфера коммуникативного взаимодействия (а не «формальные и структурные языковые исследования»): «Конкретная ситуация, в которой оказывается говорящий (формальный / неформальный контекст, отношения с другим говорящим, предмет обсуждения), будет сказываться на осуществляемом им выборе языковых средств – в сфере лексики, синтаксиса и иногда фонологии (в меткой формулировке Фишмана: “Кто, на каком языке, к кому обращаясь и когда говорит”). Регистр, безусловно, применим не только к устной коммуникации, но и к письменному языку и поэтому представляет собой инструмент для изучения лингвистических феноменов античности. Впрочем, насколько мне известно, в изучении древнегреческого языка потенциал “регистра” использован пока незначительно» [Horsley, 1989, p. 11].

Однако именно этот коммуникативный аспект, вовсе не учтенный в поле новозаветных исследований, ориентированных на изучение тонкостей неуловимого «языка», обещает совершенно иной подход к интерпретации новозаветного текста и неожиданный результат.

Пребывающие в меньшинстве сторонники иудейского греческого⁴, против которых выступает Хорсли в, пытаются, в отличие от него, доступ-

⁴ См., например: [Turner, 1963; Gehman, 1951; Beyer, 1962; Katz, 1956].

ными им способами преодолеть несовершенство сложившейся после Дайссманна модели коммуникативного процесса. Их интенция, так или иначе, состоит в том, чтобы «иудейский греческий» занял законное место в ряду других «языков» («диалектов») и, таким образом, снял бы конфликт, возникший в результате использования внутренне ошибочной методологии: «иудейский греческий» («язык» или «диалект») в рассуждениях исследователей, подобных Тернеру, стремится стать полноценной знаковой системой, нормализованной в пространстве «автор – реципиент – вторичный интерпретатор».

Примечательно, что выводы о *существовании* особого «языка» («диалекта») формулируются на основе того же материала, который для противников этой концепции служит основанием для выводов об *отсутствии* особого «языка» («диалекта»). Ситуация может быть описана известной метафорой о стакане, который наполовину пуст («языка практически нет») или наполовину полон («язык фактически есть»). Причина того, что количество воды в стакане в обоих случаях все же меньше, чем его номинальный объем, по-видимому, методологическая. Сторонники «иудейского греческого», так же как и его противники, по требованию метода должны предъявить «телесные» структурно-грамматические конститuentы «языка», а именно: особую и стабильную морфологию, синтаксис, семантику, комбинаторику, т. е. отдельную грамматику и словарь, а также географическую, социальную и временную локализацию этого «языка».

Ясно, что один и тот же материал, оцениваемый с единой структурно-грамматической точки зрения (как сторонниками, так и противниками «иудейского греческого»), в зависимости от интенции исследователей станет «более убедительным» в каком-то из направлений, т. е. будет неизбежно свидетельствовать в пользу одной из двух разнонаправленных тенденций – подтверждать наличие «языка» или отсутствие строгого «языка». Но стакан никогда не будет полностью полон или полностью пуст, если стабильность и строгость словесного механизма будет критерием оценки естественной лингвистической ситуации. Сама структурная методология, скрупулезно примененная к любому естественному материалу, неизбежно спровоцирует выводы о *присутствии* «размытой системы» и *отсутствии* «строгой системы». Так, в современной лингвокультурной ситуации невозможно подтвердить существование строго формального «русского языка» на основе естественных полевых данных – многофакторных, разноформенных и произвольно группируемых. В то же время «русский язык» благополучно существует как объект исследования, несмотря на размытость границ материала и используемых методов его анализа. На этом фоне существование объекта «язык» следует признать скорее априорной идеологемой, возникшей вследствие *ошибочно постулированного смыслопорождения из слов, которые якобы составляют единый правильный ин-*

струмент смыслопорождения. Словесно оформленный «язык» требуется искать по указанию принятого метода, но невозможно найти по «природе вещей», поскольку источник смыслопорождения локализован не в самоорганизованных словах, а в сознании аутентичного участника осознанной ситуации коммуникативного взаимодействия (дискурса). Именно он является единственным и незаменимым источником мысли, чувства, эмоции, формы и структуры текста.

Если сторонники «иудейского греческого», подобно исследователям «русского языка», довольствуются намеченными контурами этого объекта, который «должен существовать, если на нем написаны тексты», то противники «иудейского греческого» предъявляют убедительные свидетельства неполноты этого «языка», оставаясь, правда, с недоуменным вопросом, какой же «язык» был в таком случае «правильным» для данного лингвокультурного сообщества, ведь сам факт сообщества означает и факт конвенции в сфере коммуникации. А сообщество, по-видимому, должно было существовать, поскольку вряд ли такое количество текстов могло быть написано ни для кого.

Им же, с использованием той же номенклатуры понятий, можно адресовать и другой закономерно возникающий вопрос: не следует ли довериться самим авторам в выборе того, как создавать актуальные тексты в непосредственно известной им коммуникативной среде? И если они все же поступали *так*, то не был ли «такой их язык» тем самым «правильным языком» («диалектом»)?

В итоге вместо неконфликтной диспозиции, предлагаемой сторонниками «иудейского греческого», на основании того же материала и с использованием того же структурного инструментария, Хорсли как противник «иудейского греческого» (а вместе с ним и подавляющее большинство современных исследователей) вводит *противоречивую и странную модель коммуникативного процесса*: авторы обращались к аудитории с текстами, написанными с использованием ненормализованной (в пространстве «автор – реципиент») семиотической системы, о параметрах которой вполне осведомлен вторичный интерпретатор, но не сами авторы и их аудитория.

Нужно заметить, что такая картина возникает благодаря концепции идеального «языка», реальность и строгость которого никогда не подтверждается эмпирическими данными актуальных текстов (устных и письменных), но вводится по требованию используемой методологической сетки. В ситуации, когда новозаветный материал не отвечает критериям «языка» («диалекта»), известного исследователю, последний готов признать не условность и вспомогательность «системы языка», созданной грамматистами в мнемотехнических целях и вовсе не известной авторам, а некомпетентность самих авторов – якобы малограмотных, неопытных в писатель-

ском деле людей, не адекватных коммуникативной реальности и не связанных никакими традиционными для литературного процесса ограничениями.

Ключевым условием интерпретации новозаветного лингвистического материала является среда возникновения данных текстов, т. е. *грекоговорящая иудейская диаспора* как лингвокультурное пространство, в котором появляются данные тексты. Фактом своего существования она очерчивает не столько четкие границы, но хотя бы достаточно определенные ориентиры, позволяющие говорить вполне определенно о распространении текстов НЗ за пределами Палестины, где грекоязычная аудитория была аутентичной и полновесной. Однако для исследователей новозаветного языка факт «семитизмов» неизбежно влечет за собой выводы о непосредственной связи с палестинской языковой средой. И здесь наступает откровенная путаница.

Так, оставляя в стороне все прочие перспективы лингвокультурологического исследования, в отношении грекоговорящих иудеев Хорсли замечает только один продуктивный для его концепции факт, а именно, что они говорили по-гречески точно так же, как и окружающее их языческое население, с возможными особенностями, свойственными каждой отдельно взятой территории и временному срезу: «Следует полагать, что иудей, выросший в Памфилии, пользовался языком, подверженным процессам местной интерференции (affected by localised interference phenomena)». На этом основании Хорсли делает вывод, что языком всех иудеев было койне (возможно, в незначительных локальных вариациях), а «иудейский греческий» как диалект, который мог бы объединять иудеев в различных частях империи, не мог существовать вследствие географических факторов (наряду с социальными и др.): «Считать, что иудеи в Италии, Египте и Палестине – местах, о которых имеется более всего сведений, – говорили на отдельном – идентичном и идентифицируемом – диалекте греческого языка вследствие принадлежности к одному этносу, значит игнорировать фактор географической обусловленности, образования и социальной принадлежности (those factors such as geography, education and social class)» [Horsley, 1989, p. 10].

Однако такая констатация сразу сталкивается с определенным затруднением, которое Хорсли предпочитает не объяснять и вообще не упоминать: устраняя возможность особого языка для иудеев по всей империи, австралийский исследователь добивается того, что и в Палестине в таком случае нужно признать актуальное для иудеев греческое койне, или по меньшей мере какой-то автономный вариант койне. Тогда следовало бы говорить об отдельном *палестинском диалекте койне* (подобно упомянутому им александрийскому, памфилийскому и другим вариантам койне) и считать его аутентичным и нормализованным языком для данной терри-

тории. Замечу, что другой возможностью могла бы стать констатация, что присутствие греческого в Палестине было незначительным, недостаточным для формирования отдельного диалекта. Однако Хорсли, не желая отказаться от мысли о палестинской версии возникновения текстов НЗ, вынужден вполне определенно настаивать на значительном и постепенно расширяющемся присутствии греческого в этом регионе, невольно представляя этот регион территорией конвенциональности для участников лингвокультурной ситуации. Вопрос о том, какой из «языков» в Палестине был использован для написания текстов НЗ – нормализованный территориальный диалект или низкопробное нелитературное койне, остается без ответа.

Ситуацию окончательно запутывает факт, на который Хорсли указывает в ходе обсуждения вопроса о том, в какой мере присутствовал греческий в Палестине: «Если бы отдельный Jewish Greek в действительности существовал, он оставил бы какой-то след в иудейских нелитературных надписях и папирусах. Однако это не так... По подсчетам Массиса, на середину 70-х гг. было известно около 440 греческих надписей иудейского происхождения из Палестины и около 700 за ее пределами. Последние в лингвистическом плане фактически не отличаются от найденных в Палестине» [Mussies, 1976, p. 1043] (замечу, что это указание наряду с другим фактом: «приблизительно из 200 надписей из Иерусалима приблизительно 100 сделаны по-гречески» – используется Хорсли еще и как количественный аргумент в пользу значительной распространенности греческого в Палестине среди иудеев).

Таким образом, оказывается, что иудеи по признаку языка как вне, так и в пределах Палестины вообще не проявляли себя как негреки. Получается, что никаких особенностей их греческий язык вообще не знал, а это вопиющим образом противоречит данным новозаветных текстов, необычности которых Хорсли и пытается найти объяснение (вслед за целой плеядой исследователей). В текстах НЗ несомненные особенности в виде признаваемых Хорсли «семитизмов», в отличие от палестинских надписей, присутствуют с недвусмысленной очевидностью.

В результате попытки Хорсли приписать определенный статус текстам НЗ осуществляются на фоне взаимоисключающих положений: 1) характерные особенности («семитизмы») новозаветных текстов несомненны; 2) никакого особого языка у иудеев не было ни в Палестине, ни за ее пределами; 3) в Палестине, как и в Памфилии и других частях империи, местный вариант койне может и должен обладать характерными особенностями; 4) согласно эпиграфическим данным, эти особенные черты в Палестине не проявлялись.

Другими словами, пытаясь доказать невозможность *особого* иудейского языка, австралийский исследователь тем не менее соглашается с фактом

семитизмов, которые явно указывают на иудейские *особенности* текстов НЗ.

Признав семитизмы, т. е. встав перед фактом *характерных для иудеев* способов выражения в новозаветном корпусе, Хорсли продолжает отстаивать идею *общегреческого койне*, которое, замечу, благодаря семитизмам должно быть названо как минимум *семитизированным*, а не всеобщим.

Отказывая иудейским текстам в *литературности*, Хорсли привлекает идею *просторечности, спонтанности* языкового процесса в практиках отдельных необразованных писателей (и здесь, вероятно, ему следовало бы выставить новозаветных авторов подобными тому единственному иудею, который написал надгробную надпись с ошибками⁵), однако следует заметить, что вопреки этой логике обнаруживается, что число таких «неграмотных» писателей весьма значительно и все вместе они составляют *обширный корпус* новозаветной и околоновозаветной *литературы*, включая иудейские и иудеохристианские апокрифы и псевдоэпиграфы.

Настаивая на *значительном распространении* греческого в Палестине, Хорсли тем самым лишает оснований свои же рассуждения о *доморощенности и самозаконности* отдельных языковых практик малообразованных билингвов, хотя только самостоятельными опытами писательства в системе взглядов самого же Хорсли можно объяснить не вполне греческий характер текстов НЗ.

Как видно, в такого рода рассуждениях, исходящих от противника «иудейского греческого» и сторонника «нелитературного языка», возникает целый клубок противоречивых суждений, который только запутывается при попытках тянуть за концы торчащих из него нитей: «язык» иудеев одновременно: 1) *нормализованный* и *ненормализованный*, 2) *литературный* и *нелитературный*, 3) *особенный* и *всеобщий*, 4) *полностью греческий* и *не вполне греческий*. Эти коллизии, по-видимому, ставят Хорсли в не замечаемый им теоретический тупик.

В целом методологическая проблема Хорсли (как, впрочем, и других сторонников просторечного языка, например М. Сильвы) состоит в том, что, разрешая вопрос о полностью / неполностью греческом характере «языка» новозаветного корпуса, исследователи заручаются *теорией билингвизма* (я бы назвал его упрощенным или «вульгарным» билингвизмом) как возможностью представить «язык» НЗ в виде когерентной концепции. В результате избранный структурно-языковой инструментарий (а иной отсутствовал) заставляет их искать строгий вербальный механизм, а реальность не может не свидетельствовать против такой трактовки (модели)

---

⁵ См.: [Horsley, 1989, p. 24].

естественной коммуникации. В итоге исследуемый материал анонсируется как «аутентично греческий, но не совсем аутентичный и не вполне греческий». Именно такая странная формула следует, например, из обрамляющих статью Хорсли констатаций.

1. «Констатировать какое-либо отличие между койне и «иудейским» («христианским») греческим неуместно. Ошибочная уверенность в существовании иудейского греческого...» [Horsley, 1989, p. 6]. – Иначе говоря, язык корпуса НЗ есть аутентичное койне; «иудейский греческий» – ложный, несуществующий объект.

2. «Концепция иудейского греческого не находит оснований ни в реальности, ни в лингвистических исследованиях. Соответственно она создана на основе неубедительных аргументов и утверждений. Хотя нельзя отрицать, что некоторые семитские черты проникают в греческий язык иудеев и христиан, – те случаи, где они появляются, следует понимать как вполне закономерный феномен интерференции, которая проявляет себя в различной степени в речи и письменных текстах билингвов» [Ibid., p. 40]. – Другими словами, язык корпуса НЗ есть не совсем аутентичное и не совсем койне, поскольку в греческом тексте присутствуют семитские вкрапления вследствие некомпетентности билингвов.

Такая же формула следует из соссюрианских рассуждений Сильвы: тексты НЗ написаны на чистом греческом языке (*langue*) за вычетом всех случаев восточных по происхождению явлений интерференции, создающих библейский стиль (*parole*). Этот стиль возникает благодаря использованию «чистого греческого языка» билингвами, которые были некомпетентны в греческом языке [Silva, 1980, p. 216].

Следует отметить, что логика билингвизма, запускаемая в рассуждениях о специфике новозаветных текстов, всегда сталкивается с *проблемой аудитории*. Наиболее комфортной для сторонников билингвизма является ситуация *коммуникативного вакуума*: сознание автора работает как механистичное устройство, оперируя вербальными знаками одного языка по существующим паттернам, проложенным в его сознании знаками другого языка. Когда автор совершает ошибки в своей речи (устной или письменной), производя неправильные языковые формулы, он делает это, подобно примитивному компьютерному переводчику, подставляющему одни слова вместо других. О том, что в действительности автор порождает свой письменный текст в живой коммуникативной среде, имея определенные цели и рассчитывая на определенный результат своих действий, а следовательно, постоянно думая об адекватности взаимодействия с аудиторией, ради реакции которой он пишет, – об этом теория билингвизма предпочитает умалчивать или сводить адресата к известным глобальным «языкам» (например, «греческий читатель, знающий койне», «античный читатель», как у Портера и Хорсли).

При этом в самой аутентичной лингвокультурной ситуации вопрос о «полностью греческом» или «не вполне греческом» если и ставился когда-то, то только между писателем и читателем, т. е. в пространстве «автор – адресат», где совершалось и интерпретировалось аутентичное коммуникативное действие (ср. отношения Иосифа Флавия и «античного читателя»), а не в пространстве «грамматика – вторичный интерпретатор – текст». Тем не менее билингвальная концепция скорее стремится игнорировать адресата, в то время как аутентичный автор, обозревая ситуацию коммуникации непосредственно, с полной очевидностью осознавал, что делает. Если адресата удастся установить вполне определенно и, таким образом, предъявить главных участников адекватного коммуникативного взаимодействия («автор пишет такими вербальными моделями, которые вполне устраивают аудиторию»), то билингвальные претензии к их «языку» сами собою становятся излишними: «язык», используемый в данном коллективе говорящих (пишущих), каким бы он ни был, несомненно, существовал в нормализованной для взаимодействующих коммуникантов форме. Участники этого коллектива сами доподлинно знали, как говорить и писать, не заглядывая в учебники «греческого» или «не вполне греческого» языка.

Тем не менее строго языковая логика требует сохранения понятия «семитизм» в качестве языковой ошибки, феномена интерференции. И здесь теория билингвизма непременно должна сыграть свою роль. Локализуя билингвальную ситуацию в Палестине (в диаспоре она была заведомо не билингвальной), сторонник палестинского билингвизма вынуждается: 1) либо признавать, что палестинская стихия греческого языка была однозначно совместима с той, что проявила себя в текстах НЗ (и тогда понятно, что это нормализованный «палестинский греческий», или «особый диалект», или «региональный вариант койне», или «страта» и пр., и тогда, в свою очередь, следует забыть о «нарушениях нормы», поскольку *такой «язык»* и был нормой); 2) либо признавать, что палестинская стихия греческого была «подлинно греческой», без каких-либо особенностей, к чему Хорсли склоняют сама концепция «всеобщего языка» и те самые палестинские греческие эпитафии, совпадающие с подобными им на бесспорно грекоязычных территориях, за пределами Палестины.

При выборе второго варианта, на чем останавливаются Хорсли вместе с большинством других исследователей, сохраняется возможность того, чтобы в такой лингвистической ситуации проявили себя «нарушители» греческой грамматики, исказившие своими текстами ее стройность. Для этого необходимо признать авторов НЗ *внешними* для этой «полноценно грекоязычной палестинской среды»: будучи арамеоязычными, ново-заветные авторы попытались написать по-гречески для остальных грекоговорящих, но у них получилось плохо. Именно здесь необходим *фактор*

простоты и малообразованности, поскольку только этим можно объяснить безрассудную попытку писателей, не знающих целевого языка, обратиться к полноценному «греческому читателю».

Помимо иных вопросов (например, таких: не слишком ли велика мера странности такой ситуации и не слишком ли много таких людей, которые проявили поразительное легкомыслие и упорство в создании обширных «безграмотных» текстов?) возникает и главный вопрос, касающийся аудитории: зачем эти авторы обращались к *грекоязычным* в Палестине, если их было заведомо меньше, чем *арамеоязычных*? С гораздо большим успехом они могли (и даже должны были) написать свои сочинения по-арамейски, на своем «родном языке» (как это делал, например, Иосиф Флавий, обращавшийся к соотечественникам в несохранившемся первом варианте «Истории иудейской войны»⁶), чтобы охватить местную аудиторию и не выглядеть при этом неучами.

Именно здесь, как видно, сторонники билингвизма встают перед необходимостью *расширить греческое присутствие* в Палестине и интерпретировать, как это делает, например, историк М. Хенгель, гостевые грекоязычные синагоги как местные, надписи на оссуариях из диаспоры как местные, любой греческий материал, прибывший в Палестину из диаспоры или из греческого цивилизационного пространства, как местный (для сравнения можно представить, сколь многочисленной будет коллекция «иноцивилизационного» материала в современной Москве, «доказывающего» «англоязычность» ее населения). Для окончательного решения языкового вопроса через панэллинизацию Палестины предпринимаются даже попытки признать Иисуса Христа полноценно говорящим по-гречески⁷. При таком подходе степень маргинализованности авторов НЗ, как видно, должна только увеличиваться по мере разрастающейся (организованной исследователями) экспансии греческого в Палестине: видя перед собой полноценную грекоязычную аудиторию, сами «необразованные авторы» должны были, по билингвальной логике, принадлежать к искусственно у mažаемой *арамеоязычной* части населения.

Однако при таком рассуждении, которое в конечном счете ставит целью всего лишь объяснить «ошибки» в новозаветном греческом, приходится слишком многое опускать, преувеличивать, игнорировать

---

⁶ «Поэтому я предлагаю поданным Римской империи переложение на греческий язык книги, написанной мною ранее на своем родном языке для народов, живущих на Востоке. Я – Йосеф, сын Маттитяху, по происхождению еврей из Иерусалима и принадлежу к сословию священников, сначала я сам воевал против римлян, а впоследствии был невольным свидетелем событий» [Иосиф Флавий, 2008, с. 9].

⁷ Ср., например: «В Евангелиях Иисус говорит на иудейском греческом языке» [Wacholder, 1974, p. 256].

и переосмысливать. Палестина в подавляющем большинстве, несмотря на интенсивность связей с диаспоральной средой, была все же арамеоговорящей. Проповедь Иисуса Христа прозвучала по-арамейски. Таргумы транслировали Писание с иврита на арамейский, а не на греческий. Вся околонибблейская литература создавалась в Палестине только по-арамейски или позднее на «мишнайском иврите» (замечу, что сами субъекты лингвистической ситуации, естественно, не проводили строгой границы между библейским ивритом, арамейским и затем языком Мишны, хотя ясно осознавали уместность употребления используемых коммуникативных клише). Греческим языком далеко не всегда владели даже представители высшего сословия, как, например, Иосиф Флавий, который оправдывал несвободное знание греческого своим иудейским происхождением⁸.

В этой ситуации полноценную аудиторию для текстов НЗ можно обнаружить только вне Палестины, в грекоговорящей диаспоре, которая и была адресатом новозаветных авторов, независимо от их происхождения и «родного языка». Как событийная часть распространения христианства, так и лингвистическая часть этого процесса указывает на грекоговорящие иудейские общины за пределами Палестины. На этих территориях могли найти своих слушателей люди, подобные грекоговорящему иудею апостолу Павлу, проповедь которого была успешной исключительно в грекоговорящих диаспоральных синагогах. Именно их «прихожане» составляли достаточно многочисленную и достаточно специфическую (благодаря традиционным сложившимся в диаспоре практикам чтения и изучения грекоязычного Писания) аудиторию, которая стала основанием для количественного роста иудеохристиан, а потом и христиан. При этом их родным «языком» (в терминологии билингвизма, а более точно – «набором коммуникативных клише») был, по всей видимости, «обычный греческий», вернее, тот его вариант, который сложился в данной местности в данное время, как, например, нубийский или памфилийский диалект, о котором подробно говорит Хорсли⁹. Однако их *практики общения с текстом Писания* были глубоко специфичны, с тенденцией к единообразию на основе

---

⁸ «Мои соотечественники все согласны с тем, что я являюсь одним из лучших знатоков истории страны нашей. Я старался с большим усердием преодолеть трудности в изучении греческого языка и литературы, основательно усвоив его грамматику. Впрочем, свободно говорить по-гречески мешает мне мое иудейское происхождение. Дело в том, что у нас не уважаются те, кто изучил много языков или умеет украшать речь свою красивыми оборотами. Это умение считается принадлежностью не только свободнорожденных людей, но и рабов. Лишь те, которые в точности знают закон и отличаются умением толковать Св. Писание, признаются истинно образованными людьми» [Иосиф Флавий, 2002, с. 322].

⁹ См.: [Horsley, 1989, p. 10–12].

LXX для всех диаспоральных иудейских анклавов, и вопросы билингвизма (тем более «вульгарного билингвизма») имеют к этой диспозиции косвенное отношение.

Таким образом, нет причин искать в палестинском языковом состоянии ключ к решению лингвистического вопроса в НЗ. Формальные особенности финальных текстов зависели не от механистичных процессов в сознании авторов, а от ситуации «автор – читатель», требования которой автор должен был исполнить (а в противном случае просто не приниматься за писательский труд). Иосиф Флавий со всей очевидностью продемонстрировал, что «второй язык» можно и нужно использовать так, как того требует коммуникативная среда, и что нет диктата «первого языка» в сознании автора, создающего глубоко рефлексивный письменный текст. Насильственное приписывание Палестине масштабного греческого присутствия противоречит естественным условиям писательской коммуникативной деятельности. Аудиторию новозаветных авторов можно обнаружить только за пределами Палестины, разрушив коммуникативный вакуум, искусственно создаваемый структурно-грамматическим подходом к естественному вербальному процессу.

Список литературы

- Вдовиченко А. В.* Концепция Ф. де Соссюра в интерпретации специфики новозаветного текста // Вестн. ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2012. № 30. С. 7–25.
- Иосиф Флавий.* Иудейская война / Пер. М. Финкельберг. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008.
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности: В 2 т. / Пер. Г. Г. Генкеля. М.: Издательство АСТ; Ладомир, 2002. Т. 2.
- Beyer K.* Semitische Syntax im Neuen Testament. Goettingen, 1962.
- Deissmann A.* Bible Studies / Trans. by A. Grieve, T. & T. Clark. Edinburgh, 1901.
- Gehman H. S.* The Hebraic Character of Septuagint Greek // *Vetus Testamentum*. 1951. № 1. P. 81–90.
- Horrocks G.* Greek: A History of the Language and its Speakers. London, 1997.
- Horsley G. H. R.* Divergent Views on the Nature of the Greek of the Bible // *Biblica*. 1984. № 65. P. 393–403.
- Horsley G. H. R.* The Fiction of «Jewish Greek» // *New Documents Illustrating Early Christianity*. 1989. Vol. 5.
- Katz P.* Septuagintal studies in the mid-century: Their links with the past and their present tendencies // *The Background of the New Testament and Its Eschatology: In Honour of C. H. Dodd*. Cambridge: CUP, 1956. P. 176–210.

Maloney E. C. Semitic Interference in Marcan Syntax. Michigan, 1981. P. 9–10.

Mussies G. Greek in Palestine and the Diaspora // The Jewish People in the First Century. CRINT I. 2 / Eds. S. Safrai, M. Stern. Assen, 1976.

Porter S. E. The Greek Language of the New Testament // Handbook to Exegesis of the New Testament. Ser. «New Testament Tools and Studies» / Eds. B. M. Metzger & B. D. Ehrman. Leiden; New York; Kohln, 1997. P. 99–130.

Silva M. Bilingualism and the Character of New Testament Greek // *Biblica*. 1980. № 61. P. 198–219.

Turner N. A Grammar of NT Greek. Edinburgh, 1963. Vol. 3: Syntax.

Wacholder B. Z. Eupolemus // A Study of Judaeo-Greek Literature. Cincinnati, 1974.

Article metadata

Title: Communicative process in the NT texts: author, addressee and secondary interpretant

Author: A. V. Vdovichenko

Author's e-mail: an1vdo@mail.ru

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Abstract. Strict linguistic criteria applied to the NT texts lead to stating rather strange features of the NT authors' literary activity: 1) an impulsiveness and spontaneity; 2) a poor acquaintance with the verbal clichés of the language which they wrote in; 3) inadequate relations between the authors and the audience; 4) absence of a literary tradition to which the authors ascribed themselves. Three general reasons for the communicative vacuum described above are: a structural (Saussurian) methodology of linguistic research, the theory of bilingualism uncritically applied, little attention paid to the audience of the NT texts. The Diaspora Greek-speaking tradition is regarded as a territory of language conventions among its participants where Semitisms could not exist as "mistakes." More correct evaluation of NT linguistic phenomena is possible through research of authentic Diaspora communication factors.

Key terms: communication, New Testament corpus, author, addressee, secondary interpreter, Semitisms, Judaic diaspora, specifics linguistic practices

Reference literature (in transliteration):

Beyer K. Semitische Syntax im Neuen Testament. Goettingen 1962.

Deissmann A. Bible Studies. Trans. by A. Grieve. T. & T. Clark, Edinburgh, 1901.

Gehman H. S. The Hebraic Character of Septuagint Greek // *Vetus Testamentum* 1 (1951). P. 81–90.

Horrocks G. Greek: A History of the Language and its Speakers. London, 1997.

Horsley G. H. R. Divergent Views on the Nature of the Greek of the Bible // *Biblica*. 65 (1984). P. 393–403.

Iosif Flaviy. Iudeuskaya voyna [Jewish war] / Per. M. Finkelberg M.; Ierusalem: Mosty, 2008.

Iosif Flaviy. Iudeuskiye drevnosty [Jewish antiquities]: 2 v. Per. G. G. Genkelya. T. 2. M., 2002.

Katz P. Septuagintal studies in the mid-century: Their links with the past and their present tendencies // *The Background of the New Testament and Its Eschatology: In Honour of C H. Dodd*. Cambridge: Uni. Press, 1956. P. 176–210.

Maloney E. C. Semitic Interference in Marcan Syntax. Michigan, 1981. P. 9–10.

Mussies G. Greek in Palestine and the Diaspora // *The Jewish People in the First Century*. CRINT I. 2 / Ed. S. Safrai, M. Stern. Assen, 1976. P. 1043.

Porter S. E. The Greek Language of the New Testament // *Handbook to Exegesis of the New Testament*. Ser. «New Testament Tools and Studies» / Eds. B. M. Metzger & B. D. Ehrman. Leiden; New York; Kohln, 1997. P. 99–130.

Silva M. Bilingualism and the Character of New Testament Greek // *Biblica*. 61 (1980). P. 198–219.

Turner N. A Grammar of NT Greek. V. 3. Syntax. Edinburgh, 1963.

Vdovichenko A. V. Konceptsiya Saussura v interpretatii spetsifiki novozavetnogo texta [The concept of Saussure in interpretation of New Testament text] // *Vestnik PSTGU Ser. 3: Filologia*. 2012, № 30. С. 7–25.

Wacholder B. Z. Eupolemus // *A Study of Judaeo-Greek Literature*. Cincinnati, 1974.